

УДК: 726.5

ББК: 85.113(2); 38.51

A43

DOI: 10.18688/aa199-3-35

А. В. Трушникова

Зодчество Чернигова конца XI — первой трети XII века в контексте средневизантийской строительной практики¹

Вопрос о романских чертах в древнерусском зодчестве XI в. имеет богатую историографию. К «романизмам» относили как конструктивные элементы, так и кладку Софийского собора в Новгороде, западные апсиды Софийского собора в Полоцке, но последующее углубление знаний об изначальном облике древнерусских памятников и их изучение в широком византийском архитектурном контексте приводило к прямо противоположным выводам. Отличаясь от киевского собора-образца, Новгородская и Полоцкая Софии ярко иллюстрируют вариативность мышления зодчих и разнообразие приёмов византийской строительной практики.

Появление равнослойной техники кладки в сочетании с романскими элементами характеризует новый этап в зодчестве Чернигова, представленный следующими памятниками: Успенский собор Елецкого монастыря, Борисоглебский собор, Ильинская церковь, гражданская постройка (предположительно, княжеский терем [17]) и юго-западная пристройка Спасо-Преображенского собора [6, с. 139–147]. Новаторство в постройках Чернигова принято связывать с приходом новой строительной артели. Предлагались разные варианты происхождения мастеров. По версии В. П. Коваленко и П. А. Раппопорта, новый этап в зодчестве Чернигова датируется 1097–1123 гг. [7, с. 49–50]. В одной из статей П. А. Раппопорт выдвинул версию о приходе группы византийских строителей, которые где-то на Западе подверглись влиянию романской архитектуры [11, с. 62]; впоследствии исследователь не исключал возможного соединения византийских и романских особенностей уже в Чернигове [12, с. 49].

О. М. Иоаннисян датировал все вышеперечисленные постройки, за исключением Борисоглебского собора, 1080–1100-ми гг. и предположил, что группу североитальянских зодчих из Ломбардии или Эмилии-Романьи, где велось строительство из кирпича в равнослойной технике, пригласил Владимир Мономах [5]. Исследователь считает «романизмами» или привнесениями ломбардских мастеров следующие особенности данных черниговских построек: равнослойную технику кладки; аркатурный пояс;

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00311 «Софийский собор в Полоцке по материалам архитектурно-археологических исследований 1970–1980-х гг.».

Рис. 1. Борисоглебский собор в Чернигове

мощные полуколонны, приложенные к пилястрам; угловые лопатки, сходящиеся под углом без закрестий; обмазку с росписью под каменную квадратную кладку; крестовые своды; витражи и белокаменные резные капители.

Однако использование в Северной Италии равнослойной техники кладки и аркатуры из наборных кирпичных элементов и предположительное «хорошее знакомство мастеров с традициями восточнохристианского зодчества» [5, с. 45, 148, 172] представляется недостаточным основанием, чтобы приписывать постройки в Чернигове только западным мастерам. На наш взгляд, возведение черниговских соборов было невозможно без глубокого, укоренённого в архитектурной традиции мастеров понимания конструкции крестово-купольного храма, которая отразилась даже в строе романского декора, не наложенного на плоскость стен, а подчёркивающего конструкцию здания. При рассмотрении построек Чернигова в широком контексте византийской архитектуры X–XII вв. соотношение византийских и романских черт в древнерусских памятниках получает иные пропорции.

Для проблемы появления в Чернигове равнослойной техники кладки показательны примеры двух построек XI в.: храмов Панагии Халкеон в Салонике (1028 г.) и Эски Имарет Джамии в Константинополе (вторая половина XI в.). Салоникский храм отличается применением обеих техник в стенах одного здания: утопленный ряд встречается в кладке апсид и на углах [10, с. 187]. Вероятно, в конструктивно важных точках зодчие использовали утопленный ряд для лучшего «сцепления» рядов плинфы с забутовкой. Похожую картину выявило исследование кладки Эски Имарет Джамии: при слоях раствора чуть толще кирпичей утопленный ряд в них встречается sporadически и состоит из черепицы в повторном использовании [33, с. 49].

Рис. 2. Храм Панагии Халкеон в Салонике

В обоих храмах мастера, владея приёмом кладки со скрытым рядом, сознательно выбрали его только для некоторых частей, а в основном возвели здание в равнослойной технике со швами, сопоставимыми по толщине с плинфой. Р. Оустерхаут отмечал, что византийские строители в ходе своего обучения в мастерской осваивали набор методов строительства и стандартные формы, которые потом, в ходе практической деятельности, было легко адаптировать к местным особенностям материалов, функциональным или декоративным требованиям [10, с. 72]. Из-за отсутствия узорной кладки на фасадах, большого выноса карнизов и поребрика А. И. Комеч предполагал наличие изначальной декоративной отделки стен Панагии Халкеон [8, с. 83]. В таком случае салоникийский памятник дает пример использования не забытой византийскими мастерами равнослойной техники кладки, возможно, в сочетании с декоративной отделкой фасадов. Порядовая техника кладки в нартексе церкви Успения в Никее (около 1065 г.) и двойном храме в Учяке XI в. [32, р. 730–732] может указывать на существование в XI в. провинциальной традиции равнослойной кладки с широкими слоями раствора. На продолжение использования равнослойной техники кладки во второй половине XI в. непосредственно в Константинополе указывают материалы исследований храма Эски Имарет Джамии, фасады которого имеют следы обмазки и росписи [33, с. 49].

Предполагается, что при значительной пластичности стен византийских построек, прорезанных нишами, аркадами и оформленных уступчатыми пилястрами, техника с утопленным рядом была удобнее для увязки кладки стен меняющейся толщины [10, с. 188]. В черниговских храмах первой трети XII в. фасады решались в ином ключе —

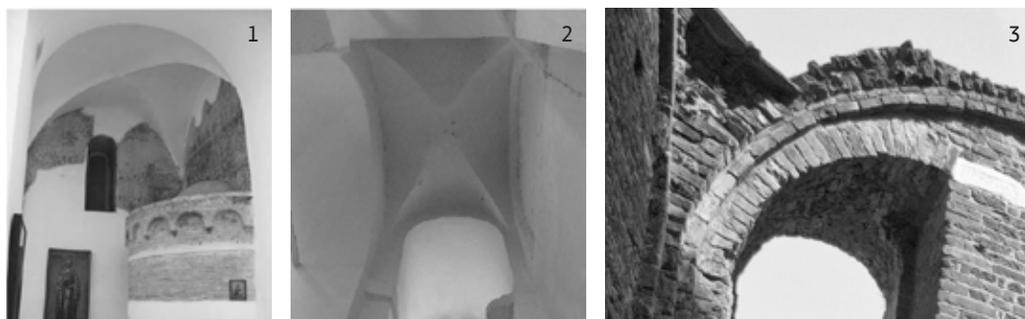

Рис. 3. Крестовые своды: 3.1. Успенский собор Елецкого монастыря в Чернигове. 3.2. Эски Имарет Джами в Константинополе. 3.3. Санта Мария Маджоре в Ломелло, Ломбардия

без значительного изменения толщины стен на больших плоскостях прясел фасадов (Рис. 1). В Чернигове обмазка и разбивка на «каменные» квадраты скрывали бы полосатость и рельеф стен, сложенных со скрытым рядом, чем может объясняться отказ византийских зодчих от этой техники в пользу равнослойной. Улучшение «сцепления» забутовки с бутом вместо западающих рядов плинфы достигалось в равнослойной кладке использованием в преимущественно ложковых рядах половинок и укладкой некоторых кирпичей тычками для перевязки [16, с. 52].

Обратимся к предположительно романским элементам трёх черниговских храмов и одного терема. Прежде всего исключим из перечня «романизмов» угловые лопатки без закрестий, так как примеры подобного решения в архитектуре Византии известны: в Мирелейоне и церкви Панагии Халкеон в Салонике (в верхнем ярусе) к угловым лопаткам приложены полуколонны (Рис. 2). В Чернигове такое решение лопаток встречалось и ранее. Согласно последним исследованиям, совмещение угловых западных лопаток имели некоторые постройки в технике кладки *opus mixtum* с утопленным рядом: бесстолпные придельные храмы Спасо-Преображенского собора (северный придел был возведён на начальном этапе строительства собора не позднее второй трети XI в., южный придел датируется не ранее второй половины XI в. [20; 6, с. 126–138]) и здание — предшественник Борисоглебского собора, интерпретированное Н. В. Холостенко как двухкамерный терем [17, с. 4–7]. В постройках в равнослойной технике этот приём продолжили применять, но прежний вариант лопаток с закрестием в виде исключения встречается в однокамерном тереме между Спасским и Борисоглебским соборами.

В Успенском и Борисоглебском соборах угловые ячейки под хорами были перекрыты крестовыми сводами. Однако своды этого типа не являются частью исключительно западной традиции: в ряде константинопольских построек X–XII вв. именно крестовые своды перекрывают как угловые ячейки, так и рукава креста (Мирелейон, Эски Имарет Джами). Между 1000 и 1150 гг. крестовые своды широко использовались и в других частях империи: об этом свидетельствуют храм монастыря Осиос Лукас в Фокиде, церковь Св. Николая в Камбии, пещерная архитектура Каппадокии [35, р. 167–168]. Не исключено использование крестовых сводов во втором ярусе внутренних галерей Софийского собора в Киеве [3, с. 23–24].

Рис. 4. Арочные ниши в завершении апсид:
 4.1. Борисоглебский собор в Чернигове
 4.2. Базилика Сант-Амброджо в Милане
 4.3. Эски Имарет Джами в Константинополе

Важен не только тип свода, но и строительная технология (Рис. 3). В Ломбардии кладка крестовых сводов в нижней части велась горизонтальным напуском рядов, а выше к шельге шла собственно сводчатая кладка, обычно опирающаяся на щёковые арки [27, р. 45–47]. В Византии кладка крестового свода велась практически горизонтально путём постепенного напуска рядов [10, с. 243]. Крестовые своды в Чернигове имеют практически горизонтальные шельги в верхней части. Паруса выложены нависающими рядами, и в их основании, как и в основании крестовых сводов, были заложены корчаги [16, с. 52, 60], что точно соответствует закладке амфор в пазухи парусов и сводов в византийской строительной практике [10, с. 241–243]. Ряд византийских строительных приёмов дополняет подобие карниза, к концу XI в. закрепившегося в древнерусской архитектуре: шиферные плиты уложены в уровне хор, под пяты подпружных арок в крещатых столбах и в основании барабана [8, с. 272].

В целом оформлении фасадов в Чернигове подчёркивает лаконичность, ясность форм собора с позакомарным завершением: мощные полуколонны, наложенные на лопатки центральных прясел, акцентируют ритм большой аркатуры — полукругий закомар на лопатках. Важно отметить, что полуколонны на фасадах Успенского собора Елецкого монастыря не имели ни баз, ни капителей, что было обязательным для полуколонн любого масштаба в западноевропейских романских постройках — будь то слепая аркатура на фасаде или полуколонны на опорах сводов в нефках. Черниговские полуколонны без ордера по своей интерпретации ближе византийским постройкам, в которых есть полуколонны на фасадах, — Мирелейону, храму Панагии Халкеон в Салонике и южной церкви монастыря Пантократора (полуколонны между боковыми апсидами и пристройками [37, S. 115–117]).

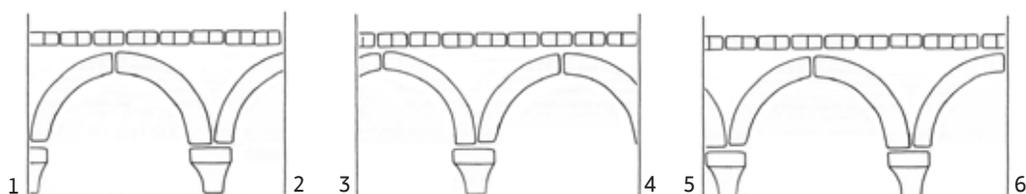

Рис. 5. Схемы шести вариантов размещения аркатурного пояса, встречающихся в пряслах и на апсидах Успенского и Борисоглебского соборов в Чернигове: 5.1. Аркатурный пояс включает половину консоли и целую арочку. 5.2. Арка прерывается после 1/3 дуги. 5.3. Крайняя арочка в 2/3 дуги. 5.4. Арочка опирается не на консоль, а на лопатку или вертикальную тягу. 5.5. Консоль полной формы примыкает к лопатке. 5.6. Арка обрывается на половине дуги

Устройство пояса из невысоких двухступчатых арочных нишек под конхами апсид Борисоглебского собора находит аналогии в постройках Константинополя XI–XII вв. (Эски Имарет Джамии, Килисе Джамии и монастырь Пантократора) (Рис. 4). Похожие мотивы (ряды арочных ниш под конхой апсиды и зубчатые карнизы) наряду с аркатурой известны в архитектуре Ломбардии IX–XII вв., и их точечное проникновение в зодчество византийской столицы, по предположению Р. Краутхаймера, могло быть как прямым, так и опосредованным — через Венецию [28, р. 411]. Однако принципиально то, что ломбардские ниши располагаются в нижней части кладки алтарной конхи и имеют значительную глубину — практически во всю толщину стены и свода. Простенки между нишами при этом являются своеобразными контрфорсами для кладки сводов центрального нефа и конхи апсиды [27, р. 81–84; 26, р. 97–101].

Черниговский вариант размещения пояса неглубоких арочных ниш на фасадах Борисоглебского собора под аркатурой и существенно ниже конх апсид является исключительно декоративным мотивом. Ниши на фасадах более ранних древнерусских храмов имели также небольшую глубину, но более стройные пропорции в духе византийских построек XI в. Приземистые ниши Борисоглебского собора перекликаются с невысокими двухступчатыми нишами на западном фасаде расположенного рядом Спасо-Преображенского собора.

Находки фрагментов витражей в Успенском соборе Елецкого монастыря [16, с. 57] не обязательно связывать с романским влиянием. В монастырях Хора и Пантократора в Константинополе обнаружены цветные витражи; в качестве сырья для их изготовления использовался местный песок [10, с. 168–169]. Характер исполнения, цветовая палитра стёкол и уровень владения техникой в этих памятниках говорят о том, что ранняя стадия развития витража в искусстве Византии к первой трети XII в. уже была пройдена. Витражи из южной церкви монастыря Пантократора А. Миго датировал около 1126 г., из вимы кафоликона монастыря Хора — вторым десятилетием XII в. [31, р. 363–367]. Близость обработки византийских витражей и стёкол из Успенского собора Елецкого монастыря отмечал П. А. Раппопорт [13, с. 61]. Интенсивно-синий цвет некоторых фрагментов из черниговского собора и характер геометрического и растительного орнамента свидетельствуют скорее о заимствовании витражей из византийской традиции. В трактате немецкого монаха Теофила (написанном между 1110 и 1140 гг.) есть сведения о том, что при производстве цветных стёкол европейцам

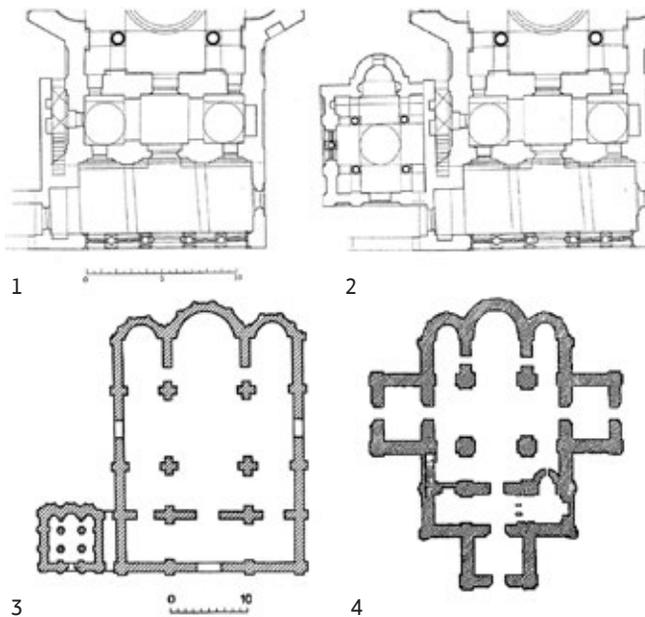

Рис. 6. Планы храмов XI в. с лестницами вдоль или в толще северной стены нартекса.
 6.1. Кафоликон монастыря Ватопед на Афоне в начале XI в. после пристройки экзонартекса и лестницы (по С. Мамалукосу)
 6.2. Кафоликон монастыря Ватопед на Афоне к концу XI в. после пристройки придельных храмов (по С. Мамалукосу)
 6.3. Успенский собор Киево-Печерской лавры с пристроенным в конце XI в. придельным храмом (по Ю. С. Асееву)
 6.4. Успенский собор Елецкого монастыря с лестницей в толще северной стены (по Н. В. Холостенко)

в отличие от византийцев с трудом удавался синий цвет, который он даже называет *saphirus graecus* [31, p. 363].

Безусловно, к византийской традиции восходят орнамент и техника омфалия Борисоглебского собора, сложенного из резных шиферных плит с мозаичным набором смальты [18, с. 195]. Каменно-мозаичные полы с похожими узорами были обнаружены в ряде древнерусских памятников X–XII вв., включая Спасский собор Чернигова, Софийские соборы Киева и Новгорода, Успенский собор Киево-Печерской лавры, Спасскую церковь в Переяславле [21, с. 54, 84, 108–112]. При датировке XI в. полы южнорусских памятников могли быть выполнены непосредственно византийскими мастерами. По версии Г. М. Штендера, местное производство мозаичных полов было налажено в первой четверти XII в., а плиты из Рождественского придела Софии Новгородской, идентичные по рисунку омфалию Борисоглебского собора в Чернигове, относятся к середине XII в. [22, с. 100–103]. В целом древнерусские примеры каменно-мозаичных полов представляют в доступных материалах вариацию византийских инкрустированных мраморных полов, сохранившихся в храмах X–XII вв. на Афоне и в Константинополе (кафоликон монастыря Хора, *opus sectile* в южной церкви монастыря Пантократора), а также в постройках, связанных со столицей (кафоликоны Осиио Лукас и Неа Мони, церковь Богородицы в Велюсе) [25, p. 407].

С Борисоглебским собором связывают белокаменные резные капители — наиболее яркий романский элемент в черниговском зодчестве. Капители и их фрагменты найдены не *in situ*, что вызывает разнообразие атрибуций их изначального использования, не исключая архитектуру малых форм. Согласно реконструкции Н. В. Холостенко, полуколонны Борисоглебского собора были завершены данными резными капителями — од-

ним из обязательных и характерных романских ордерных элементов (см. Рис. 1). Однако стилистика рельефов Борисоглебского собора иная, чем в итальянских памятниках конца XI в., сходство с резьбой капителей базилики Сант-Амброджо в Милане касается только общих принципов декорации и отдельных мотивов. Такие мотивы, иногда выполненные в схожей манере, создавались в это время по всей Европе [9]. Отмеченная близость изображений к современным капителям ювелирной пластике городов Поднепровья XI–XII вв. привела Е. И. Архипову к выводу о том, что местные мастера в XII в. самостоятельно разрабатывали мотивы «русской романики... опираясь на восточные, византийские и скандинавские традиции» [1]. Таким образом, белокаменная резьба не может быть безоговорочно признана работой ломбардского мастера.

Остается один элемент, который имеет аналогию в североитальянских постройках: аркатурный пояс, выполненный не из камня, а составленный из специально изготовленных кирпичей и лекальных элементов. Набор кирпичных деталей в древнерусских памятниках действительно близок, хотя и менее дробен. В черниговских постройках каждая арочка состоит не из нескольких секторных кирпичей, а из двух половинок — элементов в четверть окружности.

Аркатурный пояс в основании закомар черниговских соборов зрительно поддерживает и выделяет несомую конструкцию — своды, этот же мотив повторяют аркатуры в основании полукупольных сводов апсид и купола главы. Аркатуры апсид и барабана на тонких полуколонках развивают тему крупной фасадной аркатуры закомар на лопатках, учащённый ритм арочных поясов выделяет наиболее важные части храма — алтарь и главу. Тенденция такого «иерархического» убранства разных частей обнаруживается в памятниках константинопольского круга начиная с XI в. [32, р. 734].

Принцип размещения аркатурных поясов в уровне пят сводов (наоса, апсид, главы) оказывается в русле высказанной С. Эдсоном Арми идеи о конструктивном значении этих поясов как рядов своеобразных разгрузочных арок (в том числе в сочетании с зубчатым карнизом) в романской архитектуре с XI в. [26, р. 93–97]. Однако в древнерусских памятниках есть существенное отличие. При заданном лекальными кирпичами шаге крайние арочки в соборах Чернигова не всегда полностью вписываются в прясла боковых фасадов и апсид (см. Рис. 4.1; Рис. 5), обрываясь в верхней трети дуги. В одних случаях пояс арочек в прясле начинается с консоли, в других дуга арки опирается на лопатку (исключение составляет упорядоченная аркатура на барабане). Такая нерегулярность решения совершенно не характерна для ломбардских памятников и в целом для европейской романики, где размещение арочных поясов отличается чёткостью и конструктивной ясностью: пояса всегда симметричны и единообразно вписаны в поле, заданное вертикальными членениями, на которые опираются крайние арочки пояса.

Появление арочных поясов в архитектуре Чернигова ещё ждёт своего объяснения наряду с применением специфической окраски стен, имитирующей каменную кладку. Впрочем, сам факт наличия росписи под каменные квадраты на кирпичной стене не находит соответствия в облике североитальянских памятников, кирпичная кладка которых оставалась открытой.

Вопрос об обмазке фасадов в византийской архитектуре привлекал многих исследователей [30, р. 75–77]. Выявленный ряд памятников позволяет говорить о

довольно широком распространении в XI–XII вв. живописной отделки фасадов, источником которой можно считать Константинополь [30, р. 84–85]. Выше упоминался храм Эски Имарет Джами, со столичной архитектурой связаны кафоликоны монастырей Осиос Лукас [4, с. 309] и Неа Мони [25, р. 386–388]. В церкви Богородицы в Велюсе (1080 г.) красками на штукатурке с большей правильностью повторены каменно-кирпичная кладка стен и декоративный крест, выложенный из плинф [25, р. 406–407].

Не совсем соответствующее технике кладки оформление фасадов было зафиксировано в Спасском соборе в Чернигове и Софийском соборе в Киеве. При минимальном sporadicческом применении техники *cloisonné* [38, р. 634–638] появляется её имитация поверх кладки *opus mixtum*: нерегулярные ряды камня выравниваются (горизонтальные линии наносятся вдавливанием шнура или мастерком), изображаются ложные вертикальные плинфы. В интерьере Софии Новгородской на притолке проёма из центральной апсиды в дьяконник по сплошной обмазке сделан пробный участок с разгранкой на квадраты, заключённые в узкие рамки раствора [22, с. 105–106]. На фасаде по обмазке апсид и барабанов была симитирована более регулярная и похожая на киевскую кладка из правильной формы квадратов с подчёркнутыми рядами горизонтальных плинф и ложными вертикальными [23].

В архитектуре византийского мира росписи и разгранки по обмазке стен исполнялись при разной степени аккуратности кладки [30, р. 82–83]. Очевидно эстетическое значение обработки фасадов для памятников, выполненных в грубой технике кладки: в храме Панагии Асину (Кипр, 1106 г.) роспись на стенах, сложенных из булыжника, имитирует правильные квадраты. При качественной равнослойной кладке из плинфы с верхней подрезкой швов и тщательной, затёртой до блеска поверхностью раствора в Чернигове [18, с. 191] появление обмазки с росписью под каменные квадраты и клинчатые блоки в арках выбивается из обычной средневизантийской и древнерусской практики и представляется загадочным. Насколько можно судить, в том числе по многочисленным поздневизантийским примерам, покрытие фасадов «было в основном делом вкуса» [10, с. 192] или определялось особенностями заказа.

Таким образом, многие черты, интерпретированные как романские, можно найти в византийском архитектурном контексте XI–XII вв., и их появление не обязательно связывать с приходом западных мастеров. Версии исключительно западного происхождения строителей противоречит византийский тип бесстолпной Ильинской церкви «компактный вписанный крест» [15], отсутствовавший в арсенале европейских зодчих. Наиболее ранний пример из сохранившихся столичных построек типа «компактный вписанный крест» приобрёл свою структуру в результате перестройки в 1118–1122 гг. — это кафоликон монастыря Хора [34, р. 20–27]. Обращение к бесстолпной типологии в Чернигове, видимо, было связано с тем, что Ильинский храм — своего рода придел для церкви пещерного монастыря [19]. По наблюдениям С. Чурчича, в XI–XII вв. многочисленные провинциальные византийские однефные купольные постройки — в основном придельные (Балканы, Малая Азия, Крит, Кипр и Наксос) [25, р. 401]. Яркий пример — придельный храм Святой Троицы, около 1099 г. пристроенный к кафоликону монастыря Иоанна Златоуста в Куцовендисе

[36, р. 75]. При вытянутости плана по продольной оси в объёмно-пространственном решении преобладает подкупольное пространство, а за счёт понижения стен вимы и нартекса в экстерьере читается вписанный крест.

В заключение обратимся ещё к двум особенностям черниговских построек. Новаторством в памятниках Чернигова было устройство внутрискладчатых лестниц. Прямые аналоги такого решения сохранились в палеологовской архитектуре Константинополя (пристройки к Килисе Джамии, Кахрие Джамии и парекклесий церкви Паммакаристос), в средневизантийское время кроме известных на Руси лестничных башен, видимо, были распространены деревянные лестницы [34, р. 116]. Интерес представляют два исключения: в храме Св. Стефана в Кастории (X в.) двухмаршевая лестница, ведущая в помещение второго этажа (*katechoumenion*), размещена в северной части нартекса [25, р. 314]. В афонском монастыре Ватопед в начале XI в., после пристройки экзонартекса, для подъёма на второй этаж прямой марш лестницы разместили в небольшой узкой пристройке вдоль северной стены нартекса и лити [29, р. 115]. После возведения северного придельного храма в конце XI в. эта лестница оказалась похожа на ход в утолщённой стене между двумя храмами (Рис. 6.1, 6.2). Похожая ситуация сложилась в Успенском соборе Киево-Печерской лавры, построенном под руководством византийского мастера в 1073–1077 гг.: вход на хоры находился с северной стороны собора, а потому появившаяся на рубеже XI–XII вв. Иоанно-Предтеченская церковь была построена не впритык к фасаду собора [2, с. 87] (Рис. 6.3). Успенский собор Киево-Печерской лавры был образцом для черниговского собора [14, с. 134], и, как порой бывает в средневековом строительстве, последующая постройка отличается компактностью и логичностью. Лестница в Успенском соборе Елецкого монастыря оказалась также в западной трети северной стены, но в толще кладки (вход на неё расположен в основном объёме храма) (Рис. 6.4). В Борисоглебском соборе из-за размещения в боковых стенах аркосолиев лестницу перенесли в толщу западной стены, а вход устроили в северном углу нартекса.

Южная часть нартекса в Успенском соборе Елецкого монастыря была отведена для придела с апсидой. Размещение усыпальницы, крещальни и придела в нартексе встречается в близких по времени древнерусских памятниках: соборе Выдубицкого монастыря (лестничная башня здесь почти полностью включена в северо-западную треть нартекса, а южная треть имеет восточную стенку с прямоугольной нишей) и церкви Спаса на Берёстове (расположение лестницы и придела зеркально, апсиды также устроены в толще восточной стены). Выступающее в пространство наоса черниговского храма полукружие апсиды является необычным, но не исключительным приёмом. Устройство придела в западной половине северной галереи Софийского собора Новгорода входило в изначальный замысел: алтарная апсида придела середины XI в. имела полукруглую форму, которая читалась и из восточной половины галереи [24, с. 11–24]. Традиция устройства приделов как на хорах, в нартексе, так и в пристройках требует обстоятельного изучения. В Чернигове в южном приделе на хорах использован тот же приём, что в принятом за образец Успенском соборе Киево-Печерской лавры, — апсида утоплена в толщу стены. Отделение придела в нартексе Успенского собора Елецкого монастыря тройной аркадой и декоративный пояс аркатуры в основании конхи апси-

ды могут указывать на особое значение, которое придавалось этому приделу, получившему полноценную апсиду.

Говоря о черниговских постройках с равнослойной кладкой, П. А. Раппопорт отмечал, что «характер техники явно византийский, но в отличие от киевских построек скорее провинциально-византийский, а не столичный» [12, с. 49].

Совокупность византийских строительных приёмов, включая равнослойную технику кладки, прекрасное знание архитектоники крестово-купольного храма, крестовые своды, полуколонны и в особенности витражи могут указывать и на столичное происхождение мастеров, строивших и украшавших черниговские соборы, или на их происхождение из региона, поддерживавшего тесные архитектурные связи с Константинополем. В архитектуре Успенского собора Елецкого монастыря проявилось сходство с киево-печерским собором, построенным греками. Черниговские постройки не теряют родственной связи с образцом и подобно Софийским соборам в Новгороде и Полоцке являются продолжением византийской архитектуры на Руси. Новые конструктивные и декоративные элементы памятников Чернигова, включая романскую аркатуру, станут основой для развития древнерусской архитектуры второй трети XII в. в ряде городов. В целом вслед за П. А. Раппопортом мы не можем исключать возможность соединения византийских и романских особенностей уже в Чернигове и констатируем необходимость нового осмысления хронологии и организации строительства, а также особенностей заказа памятников нового этапа черниговской архитектуры.

Литература

1. *Архипова Е. И.* Романская архитектурная резьба Борисоглебского собора в Чернигове // Матеріальна та духовна культура Південної Русі. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). — Киев; Чернигов, 2012. — С. 25–35.
2. *Асеев Ю. С.* Архитектура древнего Киева. — Киев: Будівельник, 1982. — 160 с.
3. *Асеев Ю. С., Тоцкая И. Ф., Штендер Г. М.* Новое о композиционном замысле Софийского собора в Киеве // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII в. — М., 1988. — С. 13–27.
4. *Ёлишин Д. Д.* Меандр в кирпичном декоре древнерусских храмов // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5 / Под ред. С. В. Мальцевой, Е. Ю. Станюкович-Денисовой, А. В. Захаровой. — СПб.: НП-Принт, 2015. — С. 304–312. URL: <http://dx.doi.org/10.18688/aa155-3-32> (дата обращения: 01.01.2019)
5. *Иоаннисян О. М.* О происхождении, датировках и хронологии черниговского зодчества XII века // *Ruthenica*. — 2007. — Т. VI. — С. 140–188.
6. *Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е.* Спасо-Преображенский собор в Чернигове в свете последних архитектурно-археологических исследований // *Ruthenica*. — 2017. — Т. XIV. — С. 105–156.
7. *Коваленко В. П., Раппопорт П. А.* Этапы развития древнерусской архитектуры Чернигово-Северской земли // *Russia mediaevalis*. — 1992. — Vol. VII, 1. — С. 39–59.
8. *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. — М.: Наука, 1987. — 318 с.
9. *Орлов Р. С.* Белокаменная резьба древнерусского Чернигова // Проблемы археологии Южной Руси. — Киев, 1990. — С. 28–34.
10. *Оустерхаут Р.* Византийские строители. — Киев; М.: Корвин Пресс, 2005. — 332 с.
11. *Раппопорт П. А.* Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // Краткие сообщения Института археологии. — 1984. — Вып. 179. — С. 59–63.

12. *Раннопорт П. А.* Древнерусская архитектура. — СПб.: Стройиздат, 1993. — 289 с.
13. *Раннопорт П. А.* Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. — СПб.: Наука, 1994. — 160 с.
14. *Раннопорт П. А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики // *Раннопорт П. А.* Архитектура средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. — СПб.: Лики России, 2013. — 327 с.
15. *Седов Вл. В.* Ильинская церковь в Чернигове как представитель редкого варианта византийского типа «компактный вписанный крест» // *Архитектурное наследство.* — 2012. — Вып. 56. — С. 16–37.
16. *Холостенко Н. В.* Архитектурно-археологическое исследование Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове // *Памятники культуры.* — 1961. — Т. 3. — С. 51–67.
17. *Холостенко Н. В.* Черниговские каменные княжеские терема XI в. // *Архитектурное наследство.* — 1963. — Вып. 15. — С. 8–16.
18. *Холостенко Н. В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // *Советская археология.* — 1967. — № 2. — С. 188–210.
19. *Черненко Е. Е.* Ильинская церковь в Чернигове в свете новых исследований // *Studia internationalia: Материалы V Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»* (29 июня — 1 июля 2016 г.). — Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2016. — С. 22–31.
20. *Черненко О. Є., Іоаннісян О. М., Новик Т. Г.* Нові дослідження Спасо-Преображенського собору в Чернігові // *Археологічне дослідження в еврирегіоні «Дніпро» в 2012 г.* — Гомель, 2013. — С. 200–204.
21. *Чукова Т. А.* Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. — СПб.: Slavica Petropolitana, 2004. — 224 с.
22. *Штендер Г. М.* К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // *Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода.* — М.: Наука, 1968. — С. 83–107.
23. *Штендер Г. М.* К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии (по новым материалам исследований) // *Культура средневековой Руси.* — Л.: Наука, 1974. — С. 202–212.
24. *Штендер Г. М.* К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологического исследования северо-западной части здания) // *Реставрация и исследования памятников культуры.* — Вып. 2. — М.: Стройиздат, 1982. — С. 6–27.
25. *Čurčić S.* Architecture in the Balkans: From Diocletian to Suleyman the Magnificent (c. 300 — c. 1550). — London; New Haven: Yale University Press, 2010. — 680 p.
26. *Edson Armi C.* The Corbel Table // *Gesta.* — 2000. — Vol. 39, no. 2. — P. 89–116.
27. *Edson Armi C.* Design and Construction in Romanesque Architecture. — Cambridge University Press, 2004. — 236 p.
28. *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. — London; New Haven: Yale University Press, 1986. — 353 p.
29. *Mamaloukos S.* The Buildings of Vatopedi and Their Patrons // *Mount Athos and Byzantine Monasticism. Papers from the 28th Spring Symposium of Byzantine Studies.* Birmingham, March 1994. — Aldershot: Variorum, Ashgate Publishing Ltd., 1996. — P. 113–125.
30. *Mamaloukos S.* Treatment of the Facades with Inscribed and Painted Architectural Forms and Decorative Features in Mid-Byzantine Architecture // *Труды Государственного Эрмитажа.* — Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара. 17–21 ноября 2009 года. — СПб.: Изд-во ГЭ, 2010. — P. 74–88.
31. *Megaw A. H. S.* Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul // *Dumbarton Oaks Papers.* — 1963. — Vol. 17. — P. 333–371.
32. *Mihaljević M.* Učayak: A Forgotten Byzantine Church // *Byzantinische Zeitschrift.* — 2014. — Bd 107. Heft 2. — P. 725–754.
33. *Ousterhout R.* Some Notes on the Construction of Christos Ho Pantepoptes (Eski Imaret Camii) in Istanbul // *Δελτίον ΧΑΕ 16 (1991–1992), Περίοδος Δ'. Στη μνήμη του André Grabar (1896–1990).* — Αθήνα, 1992. — Σ. 47–56.
34. *Ousterhout R.* The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul / *Dumbarton Oaks Studies XXV.* — Washington D. C.: Dumbarton Oaks, 1987. — 157 p.
35. *Ousterhout R.* A Byzantine Settlement in Cappadocia / *Dumbarton Oaks Studies XLII.* — Washington D. C.: Dumbarton Oaks, 2005. — 474 p.

36. *Papacostas T., Mango C., Grünbart M.* The History and Architecture of the Monastery of Saint John Chrysostomos at Koutsovendis, Cyprus // *Dumbarton Oaks Papers*. — 2007. — Vol. 61. — P. 25–156.
37. *Theis L.* Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. — Wiesbaden: Reichert Verlag, 2005. — 216 S.
38. *Vinogradov A., Jolshin D.* Middle Byzantine Brick Decoration in the Churches of the Caucasus and Kievan Rus // *Ἦρος κτίστης. Μνήμη Χαράλαμπου Μπούρα*. — Athens: Μελίσσα, 2018. — Vol. II. — P. 629–640.

Название статьи. Зодчество Чернигова конца XI — первой трети XII века в контексте средневизантийской строительной практики.

Сведения об авторе. Трушникова Александра Вадимовна — младший научный сотрудник. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034. altrue@mail.ru

Аннотация. Появление новой для Руси равнослойной техники кладки в сочетании с романскими элементами в постройках Чернигова исследователи связывали с приходом новой строительной артели либо из Византии, либо из Северной Италии. Версия о работе в Чернигове только западных мастеров из Ломбардии и Эмилии-Романьи представляется нам дискуссионной. Ряд особенностей построек Чернигова — равнослойная техника кладки, полуколонны на фасадах, крестовые своды, витражи, полы из наборной мозаики, приделы в нартексе и на хорах — встречаются в строительной практике византийских зодчих XI–XII вв. Устройство придельных храмов и византийский тип «компактный вписанный крест» бесстолпной Ильинской церкви также принадлежат византийской традиции. Совокупность византийских строительных и декоративных приёмов и особенно прекрасное знание архитектоники крестово-купольного храма указывают скорее на столичное происхождение мастеров, строивших и украшавших черниговские соборы. К бесспорно романским чертам относится аркатура, но её использование в Чернигове отличается нерегулярностью решения, что совершенно не характерно для западноевропейских построек. В целом вслед за П. А. Раппопортом мы не можем исключать возможность соединения византийских и романских особенностей уже в Чернигове и констатируем необходимость нового осмысления организации строительства и особенностей заказа построек нового этапа черниговской архитектуры.

Ключевые слова: древнерусская архитектура; византийские строительные приёмы; Чернигов; равнослойная техника кладки; крестовый свод; аркатурный пояс; придельный храм.

Title. Chernigov Architecture in the Late 11th — First Third of the 12th Century and the Byzantine Architectural Practice.

Author. Trushnikova, Alexandra Vadimovna — Ph. D., researcher. Saint Petersburg State University, Universitetskaia nab., 7/9, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. altrue@mail.ru

Abstract. The Dormition cathedral, St. Boris and Gleb church, the Prophet Elijah church, the northwest chapel attached to the Savior Cathedral and the civil building (presumably the Prince's palace) share the features unprecedented in Chernigov and Old Russian architecture. The new masonry technique and Romanesque elements were introduced by the new master-builders: either from the Byzantine Empire, or from the North of Italy. The point of view attributing the Chernigov churches only to the West European builders appears to be controversial. Rather than Lombardy and Emilia-Romagna, the Byzantine building practice could be the source of the following Chernigov innovations: the masonry technique without the concealed courses of brick, groin vaults, engaged columns, stained glass, ornaments of the mosaic floor decorations, painted plaster on the facades, chapels in the narthex and the upper gallery. The atrophied Greek-cross church type of the Elijah church and the attached churches in Chernigov architecture strengthen the links with the Byzantine tradition. The complex of Byzantine construction technique and decoration indicates connection of the builders that worked in Chernigov with the Byzantine capital architecture or with some region where Constantinople left quite a strong impact. The only undisputable Romanesque feature is the Lombard band, but its application to the cross-in-square church with narthex strikes as irregular in comparison with accuracy of the West European practice. This unique combination of Byzantine and Romanesque features requires further study of the building process and the donor activity in Chernigov in the late 11th — first third of the 12th century.

Keywords: Old Russian architecture; Byzantine construction; Chernigov; technique without the concealed courses of brick; groin vault; engaged columns; the Lombard band; attached church.

References

- Ćurčić S. *Architecture in the Balkans: From Diocletian to Suleyman the Magnificent (c. 300 — c. 1550)*. London; New Haven, Yale University Press Publ., 2010. 680 p.
- Edson Armi C. The Corbel Table. *Gesta*, 2000, vol. 39, no. 2, pp. 89–116.
- Edson Armi C. *Design and Construction in Romanesque Architecture*. Cambridge University Press Publ., 2004. 236 p.
- Ioannisian O. M. On the Origin, Dates and Chronology of the Chernigov Architecture in the 12th Century. *Ruthenica*, 2007, vol. 6, pp. 140–188 (in Russian).
- Ioannisian O. M.; Chernenko E. E. The Savior Cathedral in Chernigov in the Light of the Recent Research. *Ruthenica*, 2017, vol. 14, pp. 105–156 (in Russian).
- Jolshin D. Meander Motif in Décor of the Old Rus' Church Masonry. Maltseva S. V.; Stanyukovich-Denisova E. Yu.; Zakharova A. V. (eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles*, vol. 5. St. Petersburg, NP-Print Publ., 2015, pp. 304–312. Available at: <http://dx.doi.org/10.18688/aa155-3-32> (accessed 1 January 2019) (in Russian).
- Kholostenko N. V. Architectural and Archaeological Research of the Dormition Cathedral in Chernigov. *Pamiatniki kul'tury (Cultural Monuments)*, vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1961, pp. 51–67 (in Russian).
- Kholostenko N. V. Chernigov 11th Century Stone Palaces of the Princes. *Arhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 1963, no. 15, pp. 8–16 (in Russian).
- Kholostenko N. V. Research of the Boris and Gleb Cathedral in Chernigov. *Sovetskaia arheologiya (Soviet Archaeology)*, 1967, no. 2, pp. 188–210 (in Russian).
- Komech A. I. *Old Russian Architecture of Late 10th — Early 12th Centuries: The Byzantine Heritage and the Independent Tradition in Its Making*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 318 p. (in Russian).
- Kovalenko V. P.; Rappoport P. A. Stages of Development of the Old Russian Architecture in Chernigov Land. *Russia mediaevalis*, 1992, vol. 7, no. 1, pp. 39–59 (in Russian).
- Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. London; New Haven, Yale University Press, 1986. 353 p.
- Megaw A. H. S. Notes on Recent Work of the Byzantine Institute in Istanbul. *Dumbarton Oaks Papers*, 1963, vol. 17, pp. 333–371.
- Mihaljević M. Uçayak: A Forgotten Byzantine Church. *Byzantinische Zeitschrift*, 2014, vol. 107, part 2, pp. 725–754.
- Ousterhout R. *The Architecture of the Kariye Camii in Istanbul*. *Dumbarton Oaks Studies XXV*. Washington D. C., Dumbarton Oaks Publ., 1987. 157 p.
- Ousterhout R. *A Byzantine Settlement in Cappadocia*. *Dumbarton Oaks Studies XLII*. Washington D. C., Dumbarton Oaks Publ., 2005. 474 p.
- Ousterhout R. *Master Builders of Byzantium*. Philadelphia, University of Pennsylvania Museum of Archeology and Anthropology Publ., 2008. 320 p.
- Ousterhout R. Some Notes on the Construction of Christos Ho Pantepoptes (Eski Imaret Camii) in Istanbul. *Deltion tis Christianikis Archaiologikis Etaireias 1991–1992. Periodos 4. Sti mnimi tu André Grabar (1896–1990) (The Deltion of the Christian Archaeological Society 1991–1992. Series 16. In the Memory of André Grabar)*, 1992, no. 16, pp. 47–56.
- Papacostas T.; Mango C.; Grünbart M. The History and Architecture of the Monastery of Saint John Chrysostomos at Koutsovendis, Cyprus. *Dumbarton Oaks Papers*, 2007, vol. 61, pp. 25–156.
- Rappoport P. A. To History of Building in Kiev and Chernigov in 12th Century. *Kratkie soobshchenia Institutu arheologii (Short Proceedings of the Institute of Archaeology)*, 1984, no. 179, pp. 59–63 (in Russian).
- Rappoport P. A. *Drevnerusskaia arkhitektura (The Old Russian Architecture)*. St. Petersburg, Stroiizdat Publ., 1993. 289 p. (in Russian).
- Rappoport P. A. *Constructional Production in Old Rus in the 11th–13th Centuries*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 140 p. (in Russian).
- Theis L. *Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau*. Wiesbaden, Reichert Verlag Publ., 2005. 216 p. (in German).
- Vinogradov A.; Jolshin D. Middle Byzantine Brick Decoration in the Churches of the Caucasus and Kievan Rus. *Íros ktistis. Mnimi Charalámpou Boura (Hero Builder. In the Memory of Charalambos Bouras)*, vol. 2. Athens, Melissa Publ., 2018, pp. 629–640.